
Сона Скофилд
Целительница падших богов

Сона Скофилд
Целительница падших богов

https://litres.ru/74960504
SelfPub; 2026

Аннотация

Боги проиграли войну и научились умирать.

Двенадцать лет назад Севран, владыка дорог и переправ, приказал закрыть ворота Тальвена. Среди обреченных жителей остались мать и младший брат Иды Ренн.

Теперь бывший бог лежит на столе в ее лечебнице, и только она способна остановить его смерть. Но вместе с Севраном падет древняя преграда, защищающая человеческие земли от Безбережья.

Каждое исцеление отнимает у Иды часть молодости. Чтобы ее жертва не оказалась напрасной, им предстоит вернуться в разрушенный город, разгадать тайну древних святилищ и раскрыть правду о войне, которую предпочли забыть даже победители.

Ида готова заплатить собственными годами за спасение родного города. Гораздо труднее ей признаться себе в том, что теперь она боится потерять мужчину, которому столько лет желала смерти.

Содержание

Глава 1. Не берите плату вперед 4
Глава 2. Медный привкус 32
Глава 3. На той стороне переправы 62
Глава 4. Там, где растут бессмертники 87
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Сона Скофилд
Целительница падших богов

Глава 1. Не берите плату вперед

Мальчишка положил на стол медную монету, не дождавшись, пока я сниму повязку с отцовской руки. Монета прокатилась по выщербленной столешнице и остановилась у ножниц.

— Это все, госпожа Ренн.

— Убери в карман. Посмотрим сначала, с чем ко мне пожаловали.

Мужчина, сидевший напротив, виновато улыбнулся. Я знала его по прошлой зиме, когда он приводил ко мне младшую дочь с воспаленным горлом. Звали его Бреном. Работал он в бочарной мастерской у пристани, а ко мне приходил, только когда терпеть боль становилось невмоготу.

На этот раз металлический обруч распорол ему ладонь от основания большого пальца почти до запястья. Рану наскоро обмотали тряпицей, от которой пахло кислым вином и опилками.

— Давно?

— После обеда.

Я посмотрела на окно. Над крышами Керны уже зажигались первые уличные фонари.

— А между обедом и нынешним часом вы надеялись, что рука сама зарастет?

— Надеялись закончить заказ, — признался Брен.

Его сын, худой вихрастый мальчуган лет десяти, следил за каждым моим движением. Когда я размочила присохшую ткань теплой водой, он побледнел сильнее отца, но остался стоять рядом.

Я осторожно проверила сухожилия и попросила Брена пошевелить пальцами. Он сделал это с трудом, но все пять ему повиновались. Я велела ему больше не геройствовать и приготовилась промывать рану.

— Нела, принеси чистую воду и отвар коры. И еще одну лампу.

Помощница отозвалась из соседней комнаты. Вскоре на столе появились таз, маленький глиняный кувшин и светильник с новым фитилем. Мальчишке я поручила держать лампу, и это нехитрое занятие отвлекло его от зрелища окровавленной отцовской руки.

Зашивать пришлось долго. Брен терпел молча, только иногда втягивал воздух сквозь зубы. Когда я завязала последний узел и наложила повязку, за окном окончательно стемнело.

— Три дня никакой работы этой рукой. Потом придете,

я посмотрю. Если появится жар или краснота пойдет выше запястья, приходите сразу.

— Три дня? — переспросил он с таким несчастным видом, будто я объявила ему о намерении отнять руку целиком.

— Можете не слушаться. Тогда есть вероятность, что через неделю работать будет уже нечем.

Он задумался, посмотрел на сына и наконец кивнул.

Мальчишка снова полез в карман.

— Уберите монету, Брен. Пусть сын купит хлеба, — сказала я, собирая инструменты. — За повторный осмотр я плату вперед не беру, а за сегодняшний рассчитаетесь, когда вернетесь в мастерскую.

Мужчина начал благодарить, но я перебила его вопросом о здоровье дочери. Девочка, как выяснилось, пошла в ученицы к вышивальщице, и отец с удовольствием рассказал о ее первых заработанных деньгах. Мы расстались на этой доброй новости. Нела проводила посетителей и заперла дверь.

— Если вы продолжите в том же духе, — заметила она, возвращаясь с улицы, — к зиме нам придется принимать больных в собственных пальто. За дрова торговец обещаниями не возьмет.

— За дрова мы заплатили.

— За прошлую неделю.

Я вздохнула и открыла расходную книгу. Помощница, к сожалению, была права. Лечебница приносила достаточно денег, чтобы содержать нас обеих, но при условии, что боль-

шинство пациентов рассчитывалось вовремя. Осенью счета редко оплачивали вовремя. Люди готовились к холодам, покупали зерно, чинили крыши и откладывали визиты к целителям до последнего.

На полке оставались две банки обезболивающей настойки, запас хорошей льняной ткани подходил к концу, а поставщик лекарственных трав на прошлой неделе поднял цены.

— Завтра зайду к господину Верту, — решила я. — Его жена приходила на осмотр еще в начале месяца. Пора напомнить о счете.

— Вот это уже разумный разговор.

Нела забрала использованные инструменты и отправилась мыть их. Я же еще некоторое время сидела над записями, подсчитывая расходы. В конце концов пришлось отказаться от покупки нового кресла для приемной. Старое, с продавленным сиденьем и расшатанной ножкой, должно было пережить еще одну зиму.

Двенадцать лет назад, когда я приехала в Керну с одним дорожным мешком и восемью серебряными монетами, собственная лечебница казалась мне недостижимой роскошью. Первые годы я жила в общей комнате при школе целителей, подрабатывала в аптечной лавке и бралась за ночные дежурства, от которых отказывались старшие ученики. Потом снимала комнату у сапожника и принимала пациентов за занавеской, отделявшей кровать от стола.

Теперь у меня были собственный двухэтажный дом, пусть и с протекающей весной крышей, верная помощница, постоянные пациенты и добрая слава среди ремесленников. Я могла купить себе дорогое платье, если хотела, могла пригласить подругу на ужин или провести свободное воскресенье за книгой.

Иногда я даже позволяла себе думать, что жизнь наконец устроилась.

Около девяти Нела ушла домой. Я поднялась в свои комнаты, разожгла огонь в маленьком камине и поставила греться воду. Ужин состоял из вчерашней похлебки, сыра и яблока, которое кто-то из пациентов оставил в корзине возле приемной.

Едва я успела распустить волосы, как внизу постучали.

Сперва постучали негромко, потом в дверной раме задребезжало стекло. Я набросила на плечи шерстяную шаль, взяла лампу и спустилась по лестнице.

— Кто там?

— Госпожа Ренн! Это Терен. Откройте, ради милости.

Я узнала голос. Несколько лет назад Терен приводил ко мне человека с необычным ожогом, а позднее дважды обращался за лекарствами. Он служил при одном из старых храмов до войны и, насколько мне было известно, после падения богов зарабатывал переписыванием торговых бумаг.

Стоило отодвинуть засов, как в приемную ворвался холодный воздух.

На пороге стоял сам Терен, промокший, растрепанный, с темными пятнами на рукавах. За его спиной покачивалась низкая крытая повозка. Возница, пожилой мужчина в грубом кожаном плаще, придерживал полог.

— Мне нужна ваша помощь, — произнес Терен. — Очень нужна, Ида.

— Что случилось?

Вместо ответа он повернулся к повозке.

— Помоги мне, Олдер. Осторожнее с правой стороны.

Вдвоем они вытащили наружу человека, завернутого в тяжелое дорожное покрывало. Незнакомец оказался крупным, и мужчинам пришлось приложить немало усилий, чтобы внести его в дом. Одна рука раненого безвольно свисала, почти касаясь пола.

На светлых досках приемной остались капли крови. Я отступила, освобождая проход.

— В дальнюю комнату. Кладите на стол. Голову придерживайте, не запрокидывайте.

Терен повиновался с поспешностью человека, который давно ждал возможности передать ответственность другому.

Пока возница возвращался за сумкой, я убрала покрывало и расстегнула пропитанную кровью одежду раненого.

— Где его так?

— Напали на дороге.

— Чем ранили?

— Не видел.

— Когда?

— После вечернего колокола.

Я бросила на Терена быстрый взгляд. Он старательно смотрел на мои руки.

Рана слабо пахла металлом, как воздух у кузницы после грозы. Еще больше меня насторожила кожа вокруг глубокого разреза под правой ключицей: она посерела, хотя мужчина оставался жив и дышал.

Я придвинула лампу.

На его груди, почти скрытый засохшей кровью, проступал древний знак: три сходящиеся линии, пересеченные незамкнутым кругом. Я почувствовала холод даже в ладонях, испачканных теплой кровью.

Я знала этот знак гораздо лучше, чем имена некоторых собственных соседей. Он украшал ворота моего родного города, каменные столбы вдоль реки, печати на торговых разрешениях и монеты, которыми отец расплачивался на рынке.

Когда мне исполнилось семь лет, мать впервые отвела меня в храм, над входом в который был высечен такой же незамкнутый круг.

Через пятнадцать лет я видела его на закрытых воротах Тальвена, за которыми осталась моя семья.

Я медленно выпрямилась.

— Терен, — позвала я.

Он поднял голову.

— Кого ты привез в мой дом?

Терен не ответил. Возница вернулся с сумкой, поставил ее возле двери и остановился, переводя взгляд с меня на раненого.

— Олдер, подожди снаружи, — попросил Терен.

— Лошадь продрогла. Мне бы ее под навес.

— За домом есть двор, — сказала я. — Ворота со стороны переулка. Только не загромождайте проезд.

Старик поблагодарил и вышел. Я дождалась, пока за ним закроется дверь.

— Ну?

— Ты и сама догадалась.

— Я хочу услышать от тебя.

Терен провел ладонью по мокрому лицу.

— Севран.

Я отвернулась к шкафу, в котором хранились перевязочные материалы. Нужные вещи стояли на верхней полке, но я почему-то открыла нижний ящик и несколько мгновений смотрела на сложенные там полотенца.

Последний раз я слышала имя Севрана из уст матери за день до гибели Тальвена. Она велела Лину не повторять молитву, которой его учили в храмовой школе. Брат тогда обиделся, потому что считал мать несправедливой к покровителю нашего города. Ему было пятнадцать, он собирался стать картографом и верил, что бог дорог поможет ему когда-нибудь увидеть море.

Мать не стала спорить. Она поправила воротник его ру-

башки и отправила за мукой.

Обыкновенное утро. На кухонном столе лежали недочищенные яблоки, соседка за стеной ругалась с мужем, из открытого окна тянуло речной сыростью. Я помнила даже цвет материнского передника, хотя давно забыла, какое платье было на мне самой.

К вечеру следующего дня от нашей улицы остались почерневшие стены.

— Увези его, — сказала я.

— Ида, он не переживет еще одной поездки.

— Тогда тебе следовало выбрать другую лечебницу.

— Я не знаю другого целителя, который согласился бы хотя бы осмотреть такую рану.

— А с чего ты решил, что соглашусь я?

Терен тяжело опустился на табурет. Только теперь я заметила, что одна из его штанин разорвана возле колена, а на виске засохла кровь.

— До утра он не доживет.

Я достала ткань, прижала ее к ране и проверила пульс. Сердце мужчины билось неровно, с неприятными провалами. Оставлять его без помощи в таком состоянии я не могла. У меня имелись обязательства перед гильдией, существовали правила, которым я следовала много лет. Но ни одно из них не обязывало меня отдавать пациенту собственную жизнь.

— Я остановлю кровотечение, — сказала я. — Остальное

меня не касается.

— Ты не понимаешь, что случится, если он умрет.

— Объясни.

Терен открыл рот, помедлил и посмотрел на лежавшего перед нами мужчину.

— Лучше пусть он сам расскажет.

— Очень удобно.

Я велела ему вымыть руки, принести воды и держать повязку, пока готовила инструменты. Для начала следовало разобраться с физической частью повреждения. Боги, лишившиеся бессмертия, истекали кровью ничуть не хуже остальных пациентов. По крайней мере, все те, с кем мне приходилось иметь дело.

За четыре года до этой ночи я лечила женщину, которая прежде служила младшей хранительницей при храме урожая. Она пришла ко мне с поврежденным магическим ядром после падения старого алтаря. До нее ко мне попадали пожилой храмовый дух и племянник Терена, младший служитель одного из богов.

Никто из них не обладал могуществом Девяти. Однако даже помощь бывшим храмовым служителям обходилась дорого.

Однажды после особенно тяжелого исцеления я неделю не могла удержать чашку в руке. По утрам просыпалась с таким ощущением в костях, будто за ночь состарилась лет на десять. Позднее слабость прошла, но медицинские пластины

показали, что часть жизненного ресурса утрачена навсегда.

С тех пор я перестала принимать пациентов с божественными повреждениями. В городе хватало людей, нуждавшихся в обычной помощи, и я хотела сохранить достаточно времени и здоровья, чтобы однажды завести собственную семью, если решусь.

— Подержи лампу ближе, — попросила я Терена.

Под слоем крови обнаружилось еще несколько повреждений. На плечах и запястьях мужчины имелись широкие полосы, оставленные чем-то жестким. Правая рука была холоднее левой, а возле основной раны кожа приобрела болезненный серый оттенок.

Я осторожно ощупала область под ключицей. В глубине обнаружилось уплотнение, происхождение которого пока невозможно было определить. Тревожить его при таком слабом пульсе я не решилась.

— Грабители, говоришь?

Терен промолчал.

— Странные нынче грабители. Сначала связывают человека, потом проделывают дыру у него в груди. Кошелек хотя бы забрали?

— Ида, пожалуйста.

— Хорошо. Сегодня я оставлю вопросы при себе. Но если ты принес мне неприятности, о которых я должна знать, лучше расскажи сейчас.

Он поставил лампу на край стола.

— Мне придется уйти.

— Куда?

— Есть одно дело. Пока не закончу, возвращаться сюда опасно.

— Для кого?

Вместо ответа он развязал лежавшую возле двери сумку и достал небольшой кожаный кошель. По весу в нем было немало серебра.

— На лекарства и содержание.

Я не взяла деньги.

— Ты хочешь оставить мне своего бога, заплатить и исчезнуть?

— Он сам распорядится остальным, когда придет в себя.

— Если придет.

Терен положил кошель на шкафчик и застегнул плащ. У порога он остановился, собираясь что-то сказать, но передумал.

— Я никогда не забыл, что ты сделала для моего племянника.

— Тогда мог бы избавить меня от сегодняшней встречи.

Он принял упрек молча. Через несколько мгновений дверь закрылась, и я осталась с человеком, которого двенадцать лет назад проклинала над могилой матери.

Справляться с таким крупным раненым одной было трудно. Пришлось позвать Олдера, укрывшего лошадь во дворе. Старик помогал переворачивать раненого, держал лампу и

подавал воду. О происхождении пациента он не спрашивал. Выглядел усталым и озабоченным, время от времени поглядывал на окно.

— У вас семья дома? — спросила я, когда закончила накладывать повязку.

— Жена. Сказал, что вернусь до темноты.

— Идите. Дальше я справлюсь.

Он с облегчением выдохнул, однако сразу не ушел.

— Госпожа, я ведь только возчик. Господин Терен нанял меня возле мельничных складов. Сказал, больного надо доставить к лекарю. Я ничего больше не знаю.

— Я не стану больше вас расспрашивать. Вы помогли раненому, и этого достаточно.

Я дала ему несколько монет из оставленного Тереном кошеля. Олдер долго благодарил, потом вспомнил про жену и поспешил во двор.

Когда за поворотом стих скрип колес, я вернулась в процедурную.

Мужчина на столе пришел в сознание. Он лежал неподвижно, но внимательно наблюдал за дверью. Цвет его глаз оказался необычным: светлая радужка с тонким золотистым ободком возле зрачка. При другом пациенте я, наверное, заинтересовалась бы такой особенностью.

— Где я?

Голос был низким, хриплым от сухости.

— В лечебнице.

— Керна?

— Да.

Он попытался приподняться. Я положила ладонь ему на здоровое плечо.

— Лежите. Хотите умереть — подождите хотя бы, пока окажетесь за дверью.

Мужчина задержал на мне взгляд.

— Терен привез меня?

— Привез и оставил. Вы пили что-нибудь после ранения?

— Нет.

Я помогла ему сделать несколько глотков воды. Пальцы у него дрожали, хотя чашку он упорно пытался держать самостоятельно.

Ему можно было дать лет сорок. Темные волосы слиплись от дождя, на подбородке проступила щетина. Крупный, широкоплечий, с правильными, довольно суровыми чертами лица, он совершенно не походил на белокаменное изваяние, стоявшее когда-то посреди главной площади Тальвена. Скульптор изобразил своего бога юным, без единого изъяна.

У настоящего Севрана обнаружился старый шрам возле виска и еще один, пересекавший нижнюю губу. Я вспомнила, сколько раз проезжала мимо той статуи, не поднимая головы.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Ида Ренн.

Мое имя ничего ему не сказало.

— Из гильдии целителей?

— Да. Обучалась в Керне. Родилась в Тальвене.

Он перестал тянуться к чашке.

За окном ветер гонял по мостовой опавшие листья. Где-то на соседней улице хлопнула ставня.

— Понимаю, — произнес Севран.

— Сомневаюсь.

Он вернул мне чашку, не возражая. Я проверила повязку. Кровотечение почти прекратилось, но улучшения не наступило. Под пальцами чувствовалась странная вибрация, источник которой находился глубже поврежденных тканей.

— Физическую рану я обработала. Утром, если ваше состояние позволит, нужно будет осмотреть ее внимательнее. Больше ничего предложить не могу.

— Вы видите повреждение божественного имени?

— Вижу признаки. Подтвердить их можно только при помощи инструментов.

— Пластины у вас есть?

— Есть.

— Тогда прошу провести обследование.

Я вытерла руки и поправила фитиль в лампе.

— Знаете ли вы, чем целители расплачиваются за такие процедуры?

— Знаю.

— Я больше ими не занимаюсь.

Он помолчал.

— Причина в вашем происхождении?

— Причина в моем желании прожить собственную жизнь.

— Разумно.

Мне показалось, что я ослышалась. В прежние времена отказать божеству в услуге значило навлечь неприятности на всю семью. Даже после войны старые привычки сохранялись у многих падших богов, с которыми мне приходилось сталкиваться. Они принимали любую помощь как нечто полагающееся им по праву.

Севран, по крайней мере, не стал требовать.

— Если вы не восстановите повреждение, — продолжил он, — я умру. Это само по себе не должно вас беспокоить. Но мне необходимо знать, в каком состоянии находится затвор под Тальвеном.

Я медленно повернулась к нему.

— Какой затвор?

— Тот, ради которого был закрыт город.

Я села на табурет. За последние годы мне доводилось слышать разные объяснения случившегося в Тальвене. В первые послевоенные месяцы говорили, что боги намеренно уничтожили город, чтобы наказать людей за неповиновение. Позднее в официальных летописях появилась более осторожная формулировка: катастрофа военного времени, вызванная действиями божественных сил.

О затворе я слышала впервые.

— Что вы там заперли?

— Разлом. Под городом существовала граница между

двумя пространствами. Когда она разрушилась, я перенес ее к городским стенам.

— Вместе с жителями.

— Да.

Он произнес это без колебания, и оттого мне стало еще тяжелее. Я столько лет представляла себе возможную встречу с виновником нашей трагедии, столько раз мысленно спорила с ним, подбирала слова, которыми хотела причинить боль. Теперь все они казались бесполезными.

Передо мной лежал человек, прекрасно помнивший, что сделал.

— Вы хотите сказать, что эта граница до сих пор существует?

— Храмовое сооружение разрушено, но я поддерживаю затвор.

— Из Керны?

— Меня связывает с ним имя. Расстояние ослабляет связь, однако не разрывает ее.

— И я должна поверить вам на слово?

— Нет. Проверьте рану. Возможно, ваших инструментов будет достаточно.

Я некоторое время разглядывала его, пытаясь понять, насколько хорошо он владеет собой. Пациенты, опасавшиеся смерти, нередко преувеличивали последствия собственного исчезновения. Один торговец уверял меня, что без него обанкротятся три семейства, а через месяц после выздоров-

ления проиграл половину имущества в кости.

Севран тоже мог лгать. Будучи богом границ, он наверняка знал немало способов убедить человека в необходимости своего существования. Я собиралась сказать ему об этом, когда из приемной донеслись шаги.

— Нела?

Никто не ответил.

Шаги повторились. Я хорошо знала звук каблуков на собственном полу и могла определить, где находится человек, даже не выходя из комнаты. Сейчас кто-то пересек приемную и остановился возле шкафа с лекарствами. Я взяла лампу и выглянула за дверь.

Приемная была пуста. Засов оставался на месте, а в окнах отражалось пламя светильника. Я уже решила, что ошиблась, но тут услышала слабый стук совсем рядом с собой. Звук шел из стены, отделявшей лечебницу от соседнего дома.

— Закройте дверь, — попросил Севран.

Я обернулась.

— Зачем?

— Попробуйте.

Я потянула дверь на себя. Она закрылась почти до конца, но остановилась, словно между косяком и полотном оказалось какое-то препятствие. Я провела пальцами по щели. Ничего.

Пришлось нажать сильнее. Дверь внезапно поддалась, и я

едва не ударилась плечом о стену.

— Что это было?

— Повреждение имени. Сейчас оно влияет лишь на небольшое пространство вокруг меня.

Я снова открыла дверь. Теперь она двигалась совершенно свободно.

Нечто подобное я наблюдала в Тальвене задолго до того, как были закрыты городские ворота. На одной из улиц тогда несколько часов не умолкали колокола, хотя позднее выяснилось, что звонарь погиб еще утром. Люди объясняли происходящее действием храмовых заклинаний. Мать велела нам обходить ту улицу стороной. Я вернулась к Севрану.

— Еще раз примените свою магию, и я выставлю вас за порог.

— Я ее не применял.

Он закрыл глаза. На лбу выступил пот. Я достала ключ из кармана платья и открыла небольшой шкаф за ширмой. На его нижней полке хранилась плоская деревянная шкатулка с медицинскими пластинами. За два года, прошедших с моего последнего магического исцеления, я ни разу не воспользовалась ими, хотя исправно протирала металл и меняла защитную ткань.

Пластины изготовили еще до войны. На тонких серебряных листах мастер выгравировал сеть пересекающихся линий. Они меняли цвет при соприкосновении с определенными видами магии, указывая на глубину раны. Божественным

именем в наших учебниках называли не слово, а ядро, через которое бог был связан с определенной силой мира. Повреждение этого ядра нельзя было залечить простой повязкой.

Я положила первую пластину на грудь Севрана, немного ниже повязки. Серебро потемнело возле одного края. Обычно след постепенно распространялся к середине, но здесь он появился сразу в нескольких местах.

Вторая пластина отозвалась еще сильнее. Едва коснувшись кожи, она покрылась длинными медно-красными полосами.

— Давно это произошло?

— Сегодня.

— Раньше подобные повреждения были?

— Нет.

— Силу после ранения использовали?

— Пришлось.

— Больше не придется. Если намерены прожить дольше нескольких часов.

Он слабо усмехнулся, однако спорить не стал. Я перенесла одну пластину к краю стола. Окраска начала исчезать. Когда приблизила ее к дверному проему, на металле снова проступила тонкая красная черта.

Она подтверждала пространственное нарушение, а не только повреждение пациента. О таком явлении предупреждал мой преподаватель в школе целителей. Раны некоторых падших богов могли влиять на окружающую материю.

В учебниках этому отводили несколько страниц, поскольку живых божеств, способных предоставить материал для наблюдений, становилось все меньше.

Состояние Севрана соответствовало всему, что я знала о разрушении магического ядра.

Но проверить состояние далекого затвора из моей лечебницы было невозможно.

— Если я вас стабилизирую, — спросила я, — сколько времени получит Тальвен?

— Не знаю. Это зависит от повреждения самого сооружения.

— День? Неделю?

— Возможно, больше. Мне нужно увидеть документы о последних измерениях.

— Какие документы?

— Люди короны наблюдают за затвором. Они обязаны знать, в каком он состоянии.

Я убрала пластины и подошла к окну.

На другой стороне улицы темнела пекарня. Хозяин обычно вставал задолго до рассвета и открывал дверь, когда первые рабочие направлялись к пристани. За пекарней стояли дома, в которых сейчас спали десятки людей. Кто-то наверняка оставил на столе недопитую чашку, кто-то укрыл ребенка одеялом, кто-то поссорился с близкими и отложил примирение до утра.

В Тальвене тоже продолжали жить люди. Я знала об этом

от Дары, которая иногда приезжала туда и приносила мне новости о восстановленных домах.

Если Севран говорил правду хотя бы наполовину, его смерть могла стоить кому-то того самого утра, которое я однажды потеряла. Я вернулась к столу и достала третью пластину.

— Полностью восстановить ядро я не смогу. Попробую остановить его разрушение. Это даст вам время, но за дальнейшее состояние я не отвечаю.

Севран внимательно посмотрел на меня.

— Какова цена?

— Сейчас узнаем.

Я приложила пластину к запястью. На серебре медленно проступили контрольные отметки. Сопоставив их с результатом предыдущего измерения, я рассчитала цену: три месяца.

До войны три месяца казались мне пустяком. В двадцать два года я охотно отдала бы их за возможность еще раз сесть на кухне напротив матери. Теперь мне было тридцать четыре, и я уже знала, как много может произойти за такой срок.

— Три месяца, — сообщила я.

— Вашей жизни?

— Другой у меня нет.

Он отвел взгляд.

— Понимаю.

Я сняла кольцо с правой руки, чтобы оно не мешало ра-

боте.

— Мне не нужно ваше понимание, Севран. И благодарность тоже не нужна. Если выяснится, что вы обманули меня насчет Тальвена, второго исцеления не будет.

— Договорились.

— И еще одно. Не пытайтесь управлять магией во время процедуры. Я сама определю, сколько силы передать.

Он кивнул.

Я сдвинула табурет ближе и устроилась так, чтобы можно было опереться локтем на стол. Левую ладонь положила возле поврежденного знака, правой обхватила запястье пациента.

Исцеление всегда начиналось с неприятного холода в пальцах. Затем я постепенно переставала чувствовать температуру окружающих предметов, а под ладонью возникало ощущение движения, напоминавшее слабое течение воды.

На этот раз привычного течения не было. Сила Севрана перемещалась рывками, возвращалась к поврежденному участку и рассеивалась за его пределами. Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти устойчивую часть ядра. Я сосредоточилась на ней.

Первые мгновения ничего не происходило. Потом мужчина резко втянул воздух. Под моей рукой проступила узкая золотистая линия и на несколько ударов сердца соединила два края поврежденного знака.

— Не двигайтесь.

Он подчинился, хотя я видела, каких усилий ему это стоило. Я понемногу усиливала поток, следя за пульсом Севрана и чувствительностью своих пальцев. Через некоторое время золотистая линия перестала исчезать, а прежде неровное сердцебиение стало более устойчивым.

Этого было достаточно. Продолжать значило бы напрасно тратить силы на повреждение, которое могло оставаться открытым из-за неизвестного предмета в ране.

Я убрала руки.

Перед глазами поплыли темные пятна. Пришлось согнуться и несколько раз глубоко вдохнуть, прежде чем я смогла различить контуры стола. Севран попытался повернуться ко мне.

— Госпожа Ренн?

— Лежите спокойно. Хоть раз послушайтесь с первого раза.

Я дотянулась до чашки, но пальцы плохо слушались. Немного воды пролилось на платье. Меня это неожиданно разозлило сильнее, чем сама боль.

После нескольких глотков тошнота начала отступать.

Повторное измерение подтвердило расчет: я отдала три месяца собственной жизни. Я записала результат в отдельную медицинскую тетрадь, оставив под ним место для дальнейших наблюдений. Севран смотрел на мои дрожащие руки.

— Вам нужен отдых.

— Мне нужна тишина. Отдых я организую сама.

— Хорошо.

Он замолчал. Эту услугу я оценила по достоинству.

* * *

К рассвету дождь прекратился. Я почти не спала, лишь ненадолго задремала в кресле возле пациента. За ночь пульс Севрана выровнялся, кожа приобрела более здоровый оттенок, а странные звуки в лечебнице исчезли.

Разбудило меня осторожное прикосновение к плечу.

— Госпожа Ренн?

Надо мной стояла Нела.

В одной руке она держала корзину с утренними покупками, в другой — ключи от лечебницы. Ее взгляд переместился с моего испачканного платья на мужчину, лежавшего под одеялом.

— Вы опять принимали ночью?

— Как видишь.

— Могли бы послать за мной.

— Могла. Прости.

Нела поставила корзину на пол и подошла к пациенту.

— Тяжелый?

— Пока стабильный. Подогрей воду, пожалуйста, и приготовь немного бульона. Больше ничего ему давать не надо.

Она уже направилась к двери, когда заметила раскрытую

шкатулку с медицинскими пластинами.

Остановилась.

— Ида.

В отсутствие посторонних Нела редко называла меня госпожой Ренн. Сейчас ее голос стал особенно серьезным.

— Вы снова это сделали?

— Да.

— Сколько?

— Три месяца.

Помощница посмотрела на пациента так, будто собиралась лично потребовать у него возмещения причиненного ущерба.

— Надеюсь, он хотя бы богат.

— Мы еще не обсуждали стоимость лечения.

— Тогда обсужу я. Кто-то же должен заботиться о том, чтобы вы не оставили собственную лечебницу без хозяйки.

Она ушла на кухню, негромко ворча. Я поднялась, потянулась к шали и почувствовала неприятную слабость в коленях. Севран уже не спал.

— Ваша помощница права, — заметил он.

— Еще одно слово, и она займется вашей перевязкой. У нее тяжелая рука.

На его лице появилась сдержанная улыбка.

— Буду осторожен.

Я собиралась подняться наверх и переодеться, когда в дверь лечебницы постучали. По привычке решила, что при-

шел кто-то из постоянных пациентов, и направилась открывать.

Однако за порогом стояли трое мужчин в темно-синих плащах. На воротниках двоих поблескивали серебряные знаки государственной охраны. Третий, в добротном шерстяном пальто, держал кожаную папку.

— Ида Ренн? — уточнил он.

— Да.

— Старший распорядитель ведомства магической безопасности. Мы разыскиваем человека, которого вчера вечером доставили в вашу лечебницу.

— Зачем он вам?

— Он подлежит задержанию.

— По какой причине?

Распорядитель вынул из папки сложенный лист и протянул его мне. Бумага оказалась плотной, дорогой, с водяным знаком королевской канцелярии. Внизу стояла широкая сургучная печать.

— Вы обязаны передать нам указанное лицо, — пояснил мужчина. — Мы располагаем транспортом и всем необходимым для его дальнейшего содержания.

Я пробежала глазами первые строки.

В приказе значилось имя Севрана со всеми его прежними храмовыми титулами. Ниже следовало распоряжение о доставлении под охрану ведомства, независимо от состояния здоровья задержанного. Я задержалась на последней строке.

В Керне государственные документы составлялись с указанием даты и времени регистрации. Утренние распоряжения отмечали до полуденного колокола, вечерние — после него. Такой порядок ввели во время войны, чтобы военные и гражданские чиновники не спорили о сроках исполнения приказов.

Приказ о задержании Севрана зарегистрировали вчера утром.

Терен утверждал, что на него напали после вечернего колокола. Я перечитала документ, надеясь обнаружить ошибку, но время регистрации было проставлено вполне отчетливо.

Кем бы ни являлись люди, ранившие моего пациента, государство собиралось получить его под стражу за несколько часов до того, как он оказался у меня на пороге.

Я подняла голову.

Распорядитель терпеливо ждал, протянув руку за документом.

— Прежде чем мы продолжим разговор, господин распорядитель, — произнесла я, складывая лист, — мне хотелось бы узнать, где именно вы потеряли своего пленника.

Его рука медленно опустилась.

Глава 2. Медный привкус

— Вы употребляете весьма странные выражения, госпожа Ренн, — сказал распорядитель. — Мне поручено доставить разыскиваемого к месту содержания. О том, где он находился вчера, мне ничего не известно.

— Тогда вам будет нетрудно ответить на другой вопрос. Приказ позволяет забрать его из лечебницы до окончания лечения?

— Здесь все написано.

Он указал на строчку, которую я уже прочитала. По его мнению, слова «независимо от состояния здоровья» должны были положить конец нашим разногласиям. Такие формулировки встречались в распоряжениях военного времени, и гильдии целителей уже приходилось оспаривать их. Человек, которого увозили с операционного стола, зачастую не доживал до места назначения. Ответственность за его смерть при этом возлагалась на лекаря, последним поставившего подпись в медицинской книге.

— Нела, принеси, пожалуйста, зеленый сборник с верхней полки.

Помощница выглянула из процедурной, окинула взглядом гостей и скрылась за дверью. Один из охранников, пользуясь заминкой, принялся отряхивать плащ. Второй с любопытством рассматривал висевшие над моим столом свиде-

тельства об окончании школы и членстве в гильдии.

Распорядитель заметно нервничал. У него были аккуратные ногти, мягкие белые руки и тонкий шрам возле уха. Я подумала, что во время войны он, вероятно, служил в канцелярии, где гораздо легче было распоряжаться чужими жизнями, чем в больничной палате.

Нела принесла книгу.

— Вот, — я раскрыла ее на заложенной полоской ткани странице. — Дополнение к уставу гильдии, утвержденное королевским советом пять лет назад. Лицо, находящееся на лечении, может быть передано государственной охране после освидетельствования. Если целитель признает перевозку опасной для жизни пациента, освидетельствование проводится повторно через двое суток. Исключение допускается при наличии особого распоряжения короны. У вас такое есть?

Он забрал книгу, прочел статью и вернул мне.

— Госпожа Ренн, не советую вам усложнять дело. Вы, кажется, не вполне представляете, кого приняли у себя.

— Я прекрасно это представляю. Потому и хочу сохранить подпись под своей лицензией. У меня кровоточащий пациент с повреждением божественного ядра. Если вы настаиваете на перевозке, напишите здесь, что ознакомлены с заключением целителя и принимаете на себя ответственность за возможную смерть задержанного.

Я достала лист чистой бумаги. Распорядитель даже не по-

смотрел на него.

— Мне необходимо удостовериться, что разыскиваемый находится в вашем доме.

На сей раз возражать я не стала. Попросила охранников оставить оружие в приемной и проводила всех троих в процедурную.

Севран лежал на боку, лицом к окну. Нела успела сменить покрывало и поставить рядом чашку с водой. Услышав шаги, он повернул голову. Распорядитель при виде его невольно остановился, а охранник, шедший позади меня, быстро провел большим пальцем по костяшкам левой руки. Старый жест храмового почтения. Многие продолжали делать его по привычке, особенно испугавшись чего-нибудь.

— Господин Севран, — начал распорядитель и тут же поправился: — Севран. Вам предписано явиться в ведомство магической безопасности.

— Какая досада. Вчера я уже там побывал.

Мужчина поджал губы.

— Обсуждать это будем в другом месте.

— Тогда приходите, когда я смогу туда дойти.

Распорядитель повернулся ко мне.

— Вы действительно считаете его состояние настолько тяжелым?

Вместо ответа я отогнула край повязки. Ближайший ко мне охранник отвернулся. Ткани вокруг повреждения еще не приобрели нормального цвета. Если ночью я смогла оста-

новить разрушение ядра, это вовсе не означало, что рана начала заживать.

— На вашем месте я бы не стала тревожить больного до послезавтра, — сказала я.

Распорядитель убрал приказ в папку.

— Через двое суток мы вернемся. До того времени пациенту запрещено покидать лечебницу. Обеспечьте его присутствие. Я доложу руководителю ведомства о состоявшемся разговоре.

— Я целительница, а не тюремщик.

— Вы предупреждены.

На улице остался один охранник. Через некоторое время я увидела его под навесом закрытой красильной лавки. Он купил у разносчика горячую лепешку и принялся внимательно следить за дверью моего дома. Оставшиеся двое ушли вместе с распорядителем.

Нела, стоявшая у окна, тихонько присвистнула.

— Кажется, за дрова теперь можно не платить. Они нас всех переселят в государственную тюрьму, а там наверняка топят.

— Не уверена, что там кормят лучше, чем у нас.

— Тогда я предпочитаю остаться дома. Объясните, пожалуйста, кого мы лечим?

Я рассказала ей. Помощница выслушала меня до конца и неожиданно села в кресло, которое мы вчера решили не менять.

— Того самого?

— Да.

Нела родилась в Керне. Ее отец, бывший солдат, потерял ногу на предпоследнем году войны. В семье редко говорили о богах без раздражения, и я ожидала, что она станет убеждать меня избавиться от Севрана при первой возможности.

Вместо этого она спросила:

— Он действительно может умереть, если его увезут?

— Может.

— А если оставим?

— Пока не знаю. Мне необходимо обследовать рану еще раз.

Она кивнула, хотя тревога с ее лица не исчезла. Затем забрала пустую чашку из процедурной и пошла греть воду. В такие минуты я особенно ценила Нелу: у нее хватало здравого смысла отложить разговор о наших неприятностях до того времени, когда больному будет оказана помощь.

Я написала короткую записку Даре Лейн и попросила мальчишку из соседней пекарни отнести ее в государственный архив. Дара начинала службу после утреннего колокола и обычно успевала прочесть письма до прихода заведующего. Если кто-нибудь в Керне и мог выяснить, чем занималось ведомство магической безопасности, то именно она.

До ее прихода мне предстояло разобраться с менее отдаленной угрозой. Под правой ключицей Севрана оставалось нечто, мешавшее нормальному заживлению.

* * *

В полдень я снова достала серебряные пластины. Окраска первой выглядела значительно лучше ночной, однако вторая, реагировавшая на глубокие повреждения, покрылась медными разводами почти сразу. Я отметила границу пятна на бумаге, затем повторила измерение возле плеча и ниже ребер.

— Вас чем-то проткнули, — сказала я. — Можете наконец рассказать, чем именно?

Севран приподнял голову, чтобы рассмотреть пластину.

— Представьте себе металлический стержень, через который можно провести силу имени. Его вводят рядом со знаком. Второй конец соединяется с накопителем.

— Вы добровольно согласились на эту процедуру?

— Нет.

— Почему тогда вас не убили сразу?

— Мертвый бог для них бесполезен. Чтобы извлечь силу из имени, необходимо сохранить связь с живым телом.

Я положила пластину обратно в шкатулку. Знания о строении божественного ядра долгое время считались храмовой тайной. После войны целителям разрешили изучать магические раны, но наши исследования ограничивались тем, что могло помочь больным. Опыты с извлечением жизненной силы строго запрещались гильдией.

— Каким образом вам удалось уйти?

— Один из служителей открыл помещение, в котором меня держали. Остальное оказалось вопросом удачи.

— Терена вы называете служителем?

— Он служил при моем храме. Давно.

Я вспомнила его промокшее лицо и кровь на виске. Пожалуй, человек, доставивший Севрана ко мне, рисковал гораздо большим, чем хотел показать. Только это не делало его поступок по отношению ко мне справедливым.

— Значит, стержень сломался?

— Вероятно. Я не видел, что осталось от инструмента после того, как его вынули. Очнулся уже за пределами здания.

Я осторожно ощупала повреждение. Если внутри действительно находился обломок, оставлять его на месте было нельзя. Но любая попытка извлечь металл могла вновь открыть кровотечение.

— Мне придется расширить рану, — предупредила я. — Я не стану торопиться, однако будет больно даже с настойкой. Кроме того, существует риск, что во время операции повреждение ядра усилится.

— Вы можете обойтись без передачи жизненной силы?

— На это и рассчитываю.

— Тогда я согласен.

Мне понравилось, что он задал именно этот вопрос. После ночного исцеления я едва удерживала в руках тяжелый кувшин. О повторной процедуре не могло быть речи, по край-

ней мере до тех пор, пока я не восстановлюсь физически. Да и расставаться еще с несколькими месяцами по первому требованию пациента в мои планы не входило.

Нела помогла приготовить помещение. Мы перенесли лишнюю мебель в приемную, сменили простыни и разложили инструменты на прокипяченной ткани. Пока нагревалась вода, я еще раз проверила пульс Севрана и дала ему настойку. В прежние времена при крупных храмах существовали специальные лекарства для божеств, но после разрушения Истоков достать их было практически невозможно. К счастью, обычные обезболивающие действовали на него достаточно хорошо.

— Если начнет меняться глубина комнаты, — предупредила я Нелу, — отойди к стене. И не пытайся ничего поправлять сама.

— Глубина комнаты?

— Если увидишь, поймешь.

— Лучше бы мне так и не понять.

Я попросила Севрана повернуть голову влево и открыла рану. Он сразу перестал улыбаться.

На середине операции я обнаружила тонкую полоску темного металла. Она лежала под наклоном, уходя глубоко под ключицу. Вначале мне показалось, что удалось увидеть ее конец, но, стоило приблизить лампу, как на металле проступили мелкие насечки. Судя по их расположению, инструмент был гораздо длиннее, чем я предполагала.

Нела, заглядывавшая мне через плечо, шумно втянула носом воздух.

— Чем это пахнет?

— Медью, — отозвалась я, хотя самого металла не узнала.

Севран стиснул зубы. Вдруг его левая рука судорожно сжала край простыни, а пламя обеих ламп вытянулось в одну сторону. Я оставила инструмент и выпрямилась. На несколько мгновений дверная ручка оказалась выше моего плеча, хотя все остальное в комнате сохраняло привычное положение.

— Ида? — позвала Нела.

— Подожди.

Я следила за дверной ручкой, пока она не вернулась на прежнее место. Севран дышал тяжело, лицо его побелело. Мне пришлось прервать работу и дать ему немного времени прийти в себя.

— Ничего не предпринимайте, — сказала я. — Лежите, сколько потребуется. Мы никуда не спешим.

— Если бы вы знали, как редко мне доводилось слышать это от людей с ножом в руке.

— Могу предположить, что прежде обстоятельства были несколько иными.

— Существенно.

Нела фыркнула. Я дождалась, пока дыхание больного успокоится, и продолжила работу. Извлеченный обломок оказался длиной с мой мизинец. На одном конце сохрани-

лась часть резьбы, на другом виднелось отверстие, словно внутри стержня проходил канал.

Когда я положила находку в керамическую чашку, во рту сразу появился медный привкус.

— Прикройте ее, — посоветовал Севран.

Я накрыла чашку перевернутым толстостенным сосудом и вернулась к ране. До конца операции оставалось еще немало работы. Нела сменила лампы, сходила за новой водой и дважды напомнила, что я с утра ничего не ела.

К концу работы меня занимало уже только одно: как бы не уронить инструмент. Ночное исцеление давало о себе знать. Я попросила помощницу закончить перевязку, а сама вышла в приемную, где меня ожидал кусок хлеба с сыром.

Там я и обнаружила Дару. Она стояла возле окна в широком сером плаще, с кожаной сумкой через плечо, и наблюдала за охранником напротив лечебницы. Увидев меня, Дара закрыла ставню.

— Мне очень интересно, почему у тебя под окнами дежурит государственный караул, — сказала она. — Надеюсь, ты хотя бы ограбила казну. Тогда за неприятности будет чем заплатить.

Я уселась за стол и подвинула к себе тарелку.

— У меня Севран.

Дара сняла сумку, но не успела положить ее на стул. Несколько мгновений смотрела на меня, сдвинув брови.

— Какой Севран?

— Наш.

Она аккуратно поставила сумку на пол.

Мы познакомились еще в Тальвене. Дара была младше меня на три года, жила за двумя улицами от нашего дома и до войны училась переписывать торговые книги у отца. В Керне мы встретились случайно, возле лавки с подержанными книгами. Я тогда узнала ее по голосу, хотя после катастрофы мы обе сильно изменились. Дара помогла мне найти первую съемную комнату, я лечила ее от воспаления легких, а позднее она стала неофициальной поверенной моей крохотной лечебницы: именно ей я доверила составить бумаги для покупки дома.

За все годы нашей дружбы мы ни разу не обсуждали всерьез возможность встречи с кем-нибудь из Девяти.

— Ты хочешь сказать, что Севран лежит за этой дверью?

— Да.

— Живой?

— Я старалась.

Дара села напротив. В ее лице постепенно появлялось знакомое мне выражение, с которым она обычно выслушивала особенно нелепые оправдания заведующего архивом.

— И зачем же ты старалась?

Я рассказала ей о ране, ночном исцелении, странных явлениях в лечебнице и словах Севрана насчет Тальвена. Дара не перебивала. Лишь когда я упомянула приказ о задержании, достала из сумки карандаш и попросила повторить на-

звание ведомства, дату и все, что я запомнила о печати.

— Печать была обычная, с гербом, — сказала я. — Подпись начальника канцелярии. Особого разрешения короны у них не оказалось.

— И ты выиграла двое суток?

— Пока да.

Она записала еще несколько слов и отложила карандаш.

— Знаешь, я видела Севрана однажды до войны. Он приезжал на освящение северного моста. Отец заставил меня надеть новое платье, и мы простояли на площади полдня. Представляешь, бог не удостоил нас даже речи. Прошел мимо, поговорил с мастерами и уехал. Мальчишки потом неделю спорили, какого цвета у него были глаза.

— Янтарного.

— Спасибо. Передам им при случае.

Я услышала в ее голосе горечь и отодвинула тарелку.

— Дара, я не собираюсь защищать его от того, что он сделал. Мне нужно понять, существует ли угроза городу. Если он лжет, я буду первой, кто потребует от него объяснений.

— А если говорит правду?

— Тогда нужно выяснить, как долго продержится защита и можно ли обойтись без него.

Подруга поднялась и прошлась по приемной. Она всегда ходила по комнате, когда обдумывала трудные вопросы. В моем доме ей приходилось разворачиваться каждые несколько шагов, отчего мыслительный процесс, наверное, занимал

вдвое больше времени.

— В архиве есть отдел особых сооружений, — наконец заговорила она. — Часть материалов поступает из ведомства магической безопасности. Я могу посмотреть регистрационные книги, но получить содержимое закрытых дел сложнее. Для этого понадобится повод.

— Сошлись на запрос целителя. Составлю тебе бумагу с печатью.

— Обычного запроса не хватит. Однако несколько месяцев назад начальство потребовало пересмотреть послевоенные описи. Если там числится сооружение в Тальвене, я могу поднять старые материалы на законном основании. Начну с них.

Мы договорились встретиться на следующий вечер. Перед уходом Дара остановилась возле двери процедурной.

— Можно на него посмотреть?

Я открыла дверь.

Севран спал под чистым покрывалом. После операции он выглядел гораздо хуже, чем утром, хотя пульс уже начал выравниваться. Нела сидела возле кровати и записывала результаты последнего измерения. Дара долго молчала. Затем обратилась к помощнице:

— Оставь нас на минуту, пожалуйста.

— Он спит. Только не будите.

Нела вышла. Подруга подошла ближе, посмотрела на обнаженное плечо пациента, на бинты, на разложенные возле

кровати медицинские принадлежности.

— Мой брат был на северном мосту в день закрытия города, — произнесла она. — Его видели там утром. Отец говорил, что через мост еще можно выйти. Я всю жизнь гадала, почему он не успел.

Я знала эту историю. Брат Дары, Эдден, собирался жениться следующей весной. Когда мы были детьми, он мастерил для нас лодочки из коры и ругался, если мы забирались слишком далеко по речному берегу.

— Я помню, — сказала я.

Дара еще немного постояла у кровати, затем вернулась в приемную и надела плащ.

— Прежде чем тратить на него следующую неделю своей жизни, посоветуйся со мной. Хотя бы один раз.

— Обещаю.

Она ушла. Через окно я видела, как подруга пересекла улицу, не удостоив охранника даже взглядом.

* * *

К вечеру состояние Севрана улучшилось настолько, что я позволила ему сесть с опорой на подушки. Пластины больше не показывали нарастающего повреждения. Обломок удалось извлечь без магического исцеления. За это я была особенно благодарна своим учителям.

Нела принесла ужин и отправилась домой. Мне предстоя-

ло провести возле больного еще одну ночь, но теперь я рассчитывала хотя бы немного поспать.

— Ваша гостья родилась в Тальвене? — спросил Севран, когда я поставила перед ним миску с бульоном.

— Вы не спали?

— Проснулся, когда она заговорила о брате.

Я поправила поднос у него на коленях.

— Дара Лейн. Ее семья жила возле старого рынка.

— Помню рынок. Вдоль западной стороны продавали ткани, возле колодца стояли торговцы фруктами.

— Да. У мясника была дочь, которая научила меня плавать. Через дорогу жил сапожник со смешной рыжей собакой. В каждом из тех домов жили люди, Севран. Надеюсь, вы это тоже помните.

Он отложил ложку.

— Помню.

Мне хотелось спросить, помнил ли он их в тот день, когда закрыл ворота. Я уже набрала воздуха, но решила отложить разговор. После операции ему было трудно даже удерживать миску, и допрашивать больного, находившегося в полной зависимости от моей помощи, я считала недостойным занятием.

— Ешьте, пока горячее.

Севран взял ложку. Некоторое время мы молчали.

— Кто занимался вами после уничтожения Истоков? — спросила я наконец.

— Никто особенно не занимался. Большинство из нас тогда впервые столкнулось с болезнями. Пришлось выяснять, какие лекарства подходят, сколько времени требуется для заживления обычных ран. Некоторые оказались слишком горды, чтобы обратиться к людям.

— И умерли?

— Некоторые умерли.

Я представила себе храмовые залы, в которых когда-то хранились золотые сосуды, а теперь, возможно, торговали лекарствами для их бывших хозяев. Мир изменился невероятно быстро, но у меня до сих пор не укладывалось в голове, что существо, перед которым в детстве меня учили склонять голову, способно простудиться, нуждается в бульоне и должно отдыхать после операции.

— Вы давно покинули Тальвен?

— Несколько дней назад. Меня задержали в долине, возле старой переправы. До этого я жил недалеко от города.

— Все двенадцать лет?

— Почти. Иногда приходилось уходить дальше, но ненадолго. Связь с затвором лучше сохраняется там.

— А городские жители знали, что вы рядом?

— Некоторые.

Он больше ничего не добавил. Я тоже не стала продолжать разговор. Забрала поднос, погасила лишние лампы и поднялась наверх, чтобы наконец вымыться и переодеться.

На следующее утро Нела принимала посетителей, пока я

приводила в порядок свои записи. Севран спал. Наконец-то появилась возможность заняться людьми, которым не требовалось ни особых медицинских инструментов, ни разрешения государственной канцелярии.

До обеда я осмотрела четверых больных, перевязала ногу старухе с незаживающей язвой и отправила домой молодого торговца, пожелавшего получить лекарство от похмелья за счет гильдии. Последний оказался особенно настойчив. Когда ему пришлось заплатить за консультацию, он пообещал больше никогда не пользоваться моими услугами. Я искренне пожелала ему здоровья.

Около полудня возле лечебницы остановилась крытая карета. Из нее вышел мужчина в длинном темном пальто с меховым воротником. Охранник, уже второй день дежуривший напротив, поспешил к нему и что-то доложил. Мужчина выслушал его, отпустил коротким движением руки и направился к моему дому.

Я узнала Роана Кеста еще до того, как он вошел в приемную. Его портрет печатали в столичных газетах после утверждения новых законов о храмовом имуществе. Член Государственного совета, участник войны и руководитель ведомства магической безопасности редко появлялся в нашем квартале. Для решения мелких вопросов у него существовали десятки помощников.

— Госпожа Ренн, добрый день. Надеюсь, я не отрываю вас от работы.

Он снял перчатки и оглядел приемную. На вид ему было около пятидесяти. Начавшие седеть волосы аккуратно подстрижены, на пальце тяжелое кольцо с гербом. Внешность располагала к доверию, а говорил он с той неторопливой обстоятельностью, которая отличала некоторых моих преподавателей.

— Чем могу помочь, господин Кест?

— У вас находится человек, которого я хотел бы увидеть. Насколько мне известно, вы не разрешили его перевозить.

— До повторного освидетельствования.

— Мне сообщили. Я не собираюсь оспаривать ваши медицинские заключения. Хотелось бы только разобраться, насколько серьезны повреждения.

— Они серьезны. Вчера я извлекла из раны инородный предмет. Сейчас пациенту необходим покой.

Кест слегка нахмурился.

— Инородный предмет?

— Обломок металлического инструмента. Вам знакомы подобные случаи?

Он внимательно посмотрел на меня, затем положил перчатки на стол.

— Пожалуй, стоит поговорить наедине.

Я предложила Неле заняться приготовлением лекарств, а гостю указала на кресло. Он сел, снял пальто и аккуратно сложил его на подлокотнике.

— Вы ведь родом из Тальвена?

Я не сразу ответила. Сведения о происхождении содержались в моих документах, и получить их для человека его положения не представляло труда. Тем не менее начало разговора мне не понравилось.

— Да.

— Тогда вам, должно быть, особенно тяжело принимать нынешнего пациента. Я сожалею, что обстоятельства заставили вас с ним встретиться.

— Обстоятельства, насколько я понимаю, сложились при участии вашего ведомства.

Кест принял замечание довольно спокойно.

— Севран отказался сотрудничать с нами в вопросе, от которого зависит безопасность целого региона. Его задержание было законным. Во время обследования произошел несчастный случай.

— Он утверждает, что обследование проводили против его воли.

— Боюсь, у нас разные представления о том, что в данном случае можно считать согласием. Вы же не спрашиваете опасного преступника, желает ли он, чтобы у него отобрали оружие?

— Если преступнику нужно зашить рану, я спрашиваю, согласен ли он на операцию. Его оружием пусть занимается суд.

— Перед нами довольно необычный преступник.

Кест поднялся, подошел к окну и расправил край занавес-

ки, зацепившийся за раму. Во дворе соседнего дома сушилось белье, несмотря на сырую погоду. Он некоторое время смотрел на рубашки и простыни, раскачивавшиеся над пустыми бочками.

— В годы войны, госпожа Ренн, я служил на востоке. Мы освобождали поселения, жители которых не могли покинуть собственные земли из-за старых храмовых клятв. Бывало, достаточно было отойти на милю от деревни, чтобы человек упал на дороге. Вы как целительница, вероятно, знаете о подобных повреждениях.

— Знаю.

— Моя сестра умерла от одного из них. Ей было двадцать четыре года. Она пыталась уйти вместе с мужем и маленькой дочерью.

Он вернулся к креслу. Из кармана жилета достал серебряные часы, посмотрел на них и убрал обратно.

— Я хочу, чтобы государство никогда больше не зависело от существ, способных решать, где человеку позволено жить и когда ему надлежит умереть. Полагаю, в этом наши желания совпадают.

— Совпадают. Только я предпочитаю знать, каким образом вы намерены добиться своего.

— Мы изучаем способы управления сохранившимися магическими сооружениями. К сожалению, боги пока обладают знаниями, которых нет у наших мастеров. Севран, в частности, продолжает контролировать один из важнейших за-

щитных объектов страны.

— Затвор Тальвена?

Кест посмотрел на меня с новым интересом.

— Он успел рассказать вам о затворе?

— В общих чертах. Поэтому меня беспокоит состояние его раны. Если верить вашему пациенту, его смерть может привести к разрушению защиты.

— В этом он вас не обманул.

Я невольно подалась вперед.

— Вы знали о связи затвора с его жизнью и все равно допустили подобное повреждение?

— Мы не предполагали, что оборудование окажется неспособным выдержать нагрузку. Сейчас оно не используется.

— Пока не отремонтируете?

Кест помолчал, словно подбирал слова для разговора с человеком, не знакомым с государственными делами.

— Двенадцать лет мы не можем гарантировать безопасность Тальвена. Сегодня Севран жив, завтра у него случится лихорадка, и что тогда? Дожидаться, пока он выздоровеет или умрет? Неужели вы сами считаете такое положение приемлемым?

Я не считала. Именно поэтому меня так тревожило отсутствие сведений о том, чем занималось его ведомство. Мысль о том, что жизнь нескольких поселений зависела от сердцебиения одного раненого мужчины, казалась чудовищной.

— Для начала я хотела бы увидеть последние заключения о состоянии затвора, — сказала я. — Это помогло бы оценить последствия его повреждения.

— Такие сведения не предназначены для распространения.

— Я не собираюсь развешивать их на улицах.

Кест улыбнулся.

— Вы мне нравитесь, госпожа Ренн. Я навел о вас справки перед визитом. Хорошие отзывы преподавателей, превосходные результаты лечения магических ран, ни одной серьезной жалобы за все годы самостоятельной практики. Не задумывались о работе при государственной школе?

— У меня собственная лечебница.

— Я вижу. И, как понимаю, ее содержание обходится недешево. Государство могло бы обеспечить вас оборудованием, лекарствами, помощниками. Понадобилось бы только некоторое время уделять нашим исследованиям.

Я вспомнила две оставшиеся банки настойки и кресло, на котором он сейчас сидел. Предложение, сделанное при других обстоятельствах, наверняка заинтересовало бы меня. С хорошим оборудованием я могла принимать больше пациентов, расширить помещение, нанять еще одного целителя. Нела наконец получила бы возможность отдыхать хотя бы два дня в неделю.

— Какого рода исследованиям?

— Восстановлению поврежденных божественных имен.

Нам необходимо научиться сохранять их в стабильном состоянии, пока мастера работают над независимыми источниками защиты.

— А стоимость исцелений возмещать тоже намерены?

— Безусловно.

— Каким образом вернете мне израсходованные годы?

Кест откинулся на спинку кресла.

— Не знал, что цена настолько велика.

— Тогда прежде, чем предлагать целителям государственную службу, вам стоило бы ознакомиться с медицинскими трудами. Деньги могут возместить расходы на лекарства. Потраченные годы они не вернут.

Он потер подбородок и помолчал. Возможно, о цене исцеления он и впрямь прежде не задумывался.

— Мы могли бы распределить нагрузку между несколькими специалистами.

— Если найдете желающих. Я отказываюсь.

— Хорошо. Не будем торопить события. Позвольте увидеть Севрана.

Я проводила его к пациенту и осталась возле двери. Севран уже проснулся, успел умыться и даже самостоятельно застегнуть рубашку, хотя правая рука двигалась с большим трудом.

При виде Кеста он положил книгу, которую я оставила ему утром, на соседний стул.

— Вы выбрали прекрасное место для прогулки, Роан.

— А вы — прекрасное место для укрытия. Не ожидал, что госпожа Ренн согласится вам помочь.

— Как видите, согласилась.

Кест остановился возле кровати.

— Я надеюсь, вы понимаете, к чему приведет дальнейший отказ от сотрудничества.

— Теперь понимаю гораздо лучше, чем прежде.

— Нам необходимо завершить обследование. Мы приняли меры, чтобы допущенная ошибка не повторилась.

— Рад слышать. Найдите для испытаний добровольца.

Они смотрели друг на друга. Прежняя война, похоже, до сих пор продолжалась в этой комнате. Один из этих мужчин привык распоряжаться человеческими жизнями, второй посвятил жизнь борьбе с подобным произволом. Теперь первый лежал в моей лечебнице с дырой в груди, а второй решал, сколько ему позволят прожить.

— Господин Кест, — вмешалась я, — вам придется подождать до повторного обследования. Даже если обычная рана начнет затягиваться, состояние ядра пока остается нестабильным.

Он повернулся ко мне.

— Когда вы сможете дать заключение?

— Послезавтра утром. Завтра мне потребуется провести еще несколько измерений.

Это была правда. Я понятия не имела, как поведет себя поврежденное имя после извлечения обломка. Первые изме-

рения обнадеживали, но одного дня наблюдений было недостаточно.

— Хорошо, — согласился Кест. — Я распоряжусь продлить отсрочку. До утреннего колокола послезавтра. Затем наши целители прибудут сюда и вместе с вами решат вопрос о перевозке.

— Они знакомы с лечением божественных ран?

— В достаточной степени.

Севран рассмеялся и тут же поморщился от боли.

Кест надел перчатки.

— Не беспокойтесь о расходах, госпожа Ренн. Ведомство оплатит оказанную помощь. А мое предложение остается в силе, если вы передумаете.

Он ушел, забрав пальто. Я вернулась в процедурную, проверила повязку и попросила Севрана не двигаться без необходимости.

— И чем же вас так развеселили его слова? — поинтересовалась я.

— Один из тех целителей присутствовал при обследовании. Очень интересовался, почему обычные лекарства не действуют на поврежденное имя.

— Сколько их было?

— Двоих я видел. Остальных не знаю.

— Вы можете назвать их имена?

— Одного слышал. Господин Вейр. Он носит знак вашей гильдии.

Я знала лекаря по фамилии Вейр. Он окончил школу на несколько лет раньше меня, а затем устроился в военный госпиталь. У него была неплохая репутация хирурга. О занятиях божественным целительством я ничего не слышала.

— Если они действительно придут послезавтра, — сказал Севран, — вам лучше не присутствовать при осмотре.

— В собственной лечебнице?

— Кесту нужен мой дар. Ваш ему тоже пригодится, если он выяснит, как его использовать.

Я закончила перевязку и вымыла руки.

— Предупреждение принято. Теперь ложитесь.

На столе в приемной осталось несколько крупинок уличной грязи, принесенной на перчатках Кеста. Я смахнула их в совок, открыла расходную книгу и попыталась вернуться к работе. Однако вместо стоимости лекарств перед глазами все время возникала женщина двадцати четырех лет, умершая на дороге в присутствии мужа и маленькой дочери.

Ей, наверное, тоже кто-то объяснил, что существование магических клятв необходимо для общего блага.

* * *

Дара появилась вечером. Первым делом она потребовала поесть, после чего, сидя у меня на кухне, достала две небольшие копии архивных записей. Одну удалось получить под предлогом сверки послевоенных описей, вторую она пере-

писала вручную с разрешения старшего архивиста.

— Начнем с хорошего, — сказала она. — Твой бог действительно связан с Тальвеном. Можешь больше не гадать, отдала ли ты три месяца жизни за красивую сказку.

Я придвинула лампу. В первой записи содержались сведения о состоянии нескольких магических объектов речной долины. Названия большинства мне ничего не говорили. Тальвен я обнаружила ближе к концу страницы.

— Что означает «остаточное удержание границы»?

— Сама разбирайся. Я архивистка, а не мастер сооружений.

Мы позвали Севрана. Он дошел до кухни, придерживаясь здоровой рукой за стену, и сел на ближайший стул. Дара молча подвинула ему бумагу. Он прочитал запись дважды, попросил показать дату и лишь после этого откинулся назад.

— Это измерения двухнедельной давности.

— И что из них следует? — спросила я.

— Затвор уже тогда ослабевал. Если нынешнее повреждение ядра не усилится, защита может продержаться еще несколько недель. Насколько именно, сказать не могу.

— А если вас снова подвергнут обследованию в ведомстве?

— Тогда расчет потеряет всякий смысл.

Дара забрала лист.

— Превосходно. Пока мы здесь обсуждаем ваше здоровье, у людей в Тальвене кончается время. Давайте посмот-

рим, что еще имеется в архиве.

Вторая бумага представляла собой опись старых храмовых чертежей. Возле нескольких строк стояли отметки об уничтожении документов во время войны. Одна относилась к первоначальному устройству защитной сети Тальвена. Дара объяснила, что уцелевшие материалы хранятся отдельно, в собрании технических описаний, и пообещала достать копию на следующий день. Севран явно не хотел обсуждать эту запись.

— Старые чертежи могут не соответствовать нынешнему устройству, — заметил он.

— Зато помогут разобраться, каким оно было раньше, — возразила Дара.

На этом вечер закончился. Я отправила Севрана отдыхать, проводила подругу и долго сидела на кухне, слушая, как остывающие поленья потрескивают в камине.

Следующий день прошел в ожидании. Я успела перевязать нескольких пациентов, купить лекарства у поставщика и получить письменное подтверждение новой отсрочки. Повторные измерения показали, что ядро Севрана сохраняет устойчивость. Рана оставалась глубокой, однако теперь он мог самостоятельно передвигаться по дому, если соблюдал осторожность.

К вечеру Дара вернулась с двумя листами, покрытыми мелкими чертежами. На одном сохранилось изображение трех каменных сооружений, соединенных линиями. Второй

содержал пояснения о распределении силы. Часть текста отсутствовала, поскольку край оригинала был поврежден огнем.

— Кое-что удалось переписать, — сказала она. — Только это даже не самое интересное.

Подруга выложила на стол еще один лист. В отличие от предыдущих, он оказался совершенно новым.

— Сегодня утром в архив передали распоряжение об изменении категории нескольких государственных земель. Мне пришлось внести его в общую книгу.

Я прочла заголовок и остановилась.

Тальвен и прибрежные поселения предписывалось временно передать из ведения местных властей под управление ведомства. Территория получала статус действующего магического объекта, предназначенного для проведения особых государственных испытаний. Всем местным учреждениям надлежало обеспечить доступ представителям ведомства безопасности к сооружениям и оказывать им содействие.

— Когда это вступает в силу?

— Через несколько дней. О содержании испытаний в открытых документах ничего нет.

Я перечитала распоряжение. Среди перечисленных земель значилась улица, на которой когда-то находился наш дом. Там теперь жили другие люди, о чем Дара рассказывала мне еще прошлой весной. Кто-то восстановил пекарню, кто-то разобрал обгоревшие стены и построил новую мастер-

скую.

Никого из этих людей не спрашивали, согласен ли он жить посреди государственного испытательного объекта.

— Ида, — негромко произнесла Дара, — если они уже пытались извлечь силу Севрана здесь, в Керне, зачем им понадобилось закрывать весь Тальвен?

Я не нашла ответа. Сложила бумаги, убрала их в сумку и посмотрела на часы.

До прихода государственных целителей оставалась одна ночь.

Глава 3. На той стороне переправы

— Ты понимаешь, что они придут прежде, чем откроются лавки? — спросила Дара.

Я понимала. За стеной кухни слышались шаги Севрана: он спустился в процедурную, чтобы не мешать нашему разговору. Время от времени поскрипывала одна и та же половица. Мне бы следовало отправить больного в постель, но я сама дала ему повод для беспокойства, когда попросила рассказать, что произойдет, если его снова заберут в ведомство.

— До Тальвена можно добраться за четыре дня, — сказала я. — Если не испортится погода.

Дара внимательно посмотрела на меня.

— Ты собираешься ехать туда с ним?

— Мне нужны мастера, способные разобраться в старых чертежах. Здесь я таких не знаю. А если завтра Севрана увезут, искать их, возможно, будет уже поздно.

— Ида, у тебя лечебница. Дом, который ты столько лет выплачивала. Лицензия, в конце концов. И с этим человеком я бы даже через улицу не пошла, не то что в Тальвен.

— Я помню, сколько стоит мой дом.

Мне хотелось ответить ей гораздо резче, однако она имела полное право задавать такие вопросы. Я сама задавала их себе весь вечер. Доходы от лечебницы позволяли мне жить без посторонней помощи, но лишних денег у меня почти не бы-

ло. Если ведомство добьется приостановки лицензии, придется содержать дом на сбережения и надеяться, что гильдия разберется в случившемся прежде, чем они закончатся.

Оставалось еще одно обстоятельство, о котором я пока не решалась говорить с Дарой. С момента нашего переезда в Керну она несколько раз возвращалась в Тальвен, я же ни разу не переступила границы родного города. Каждый год находились срочные больные, неудобное время, недостаток денег. Я прекрасно знала настоящую причину. Мне было проще хранить в памяти наш прежний дом, чем увидеть, что от него осталось.

— Если государство объявило жилой город испытательным сооружением, — продолжила я, — там должны быть специалисты. Возможно, кто-нибудь еще помнит, как работали межевые камни. Я смогу разговаривать с ними, пока Севран в состоянии отвечать на вопросы.

Дара некоторое время молчала, потом спросила:

— А сам он куда собирается?

Пришлось позвать Севрана обратно. Он сел у края стола, осторожно поправил рубашку, натянувшуюся на повязке, и посмотрел на разложенные перед нами бумаги.

— В Тальвен, — ответил он, выслушав вопрос. — Там я хотя бы смогу оценить состояние затвора.

— Прекрасно. Двое разумных взрослых людей решили отправиться через половину речной долины, причем один едва способен надеть сапоги. Как вы намерены покинуть сто-

лицу?

— Верхом я пока не поеду, — признал Севран.

— Не сомневалась в вашей проницательности.

Я положила ладонь на запястье Дары.

— Мне нужна повозка. И кто-нибудь, кому можно заплатить за место в обозе.

Она высвободила руку и встала.

— Торговый дом Вельта отправляет на рассвете груз в нижнюю долину. Их управляющий знаком с моим отцом. Обычно они берут попутчиков, если есть свободное место. Я схожу к нему, но больше ничего обещать не могу.

— Спасибо.

— Не благодари. Я еще не решила, не разумнее ли запереть тебя здесь до утра.

Когда Дара ушла, я послала за Нелой. Девушка явилась через полчаса, на ходу завязывая платок поверх косы, и выслушала мои распоряжения с необыкновенным спокойствием. Только услышав, что я собираюсь оставить ей ключи от дома, переспросила, надолго ли уезжаю.

— Не знаю. Возможно, на несколько недель. Принимать больных самостоятельно ты пока не имеешь права, но можешь делать перевязки тем, кого я уже осмотрела. Остальных направляй к госпоже Орт. Я оставлю ей письмо. Если она согласится приходить сюда дважды в неделю, заплати ей из денег, которые лежат в нижнем ящике моего стола.

Нела села и обхватила ладонями кружку с чаем.

— А когда утром придут за ним, что мне сказать?

— Правду. Пациент покинул лечебницу по собственному желанию. Я оставлю свое заявление и подпись. Ты не участвовала в принятии решения.

— Они вряд ли обрадуются.

— Мне тоже не нравится происходящее. Если начнут требовать от тебя объяснений, пригласи старшину гильдии. Его адрес висит возле расходной книги.

Мы вместе пересчитали запасы лекарств. Нела записала имена пациентов, нуждавшихся в повторных осмотрах, и принесла большой дорожный сундук, в котором я когда-то возила вещи из одной съемной комнаты в другую. Я взяла смену белья, теплое платье, шерстяные чулки и старый отцовский плащ. Остальное место заняли настойки, ткань, иглы, инструменты и две шкатулки с пластинами. Меньшую из них я убрала в сумку, которую собиралась держать при себе.

К полуночи вернулась Дара. Ей удалось договориться с хозяином обоза, человеком по имени Гален, о двух местах в крытой грузовой повозке. До Сухого Брода, где торговцы сворачивали к южным селениям, нам предстояло ехать вместе с ними; дальше придется искать другой транспорт.

— Он ждет вас у складов возле нижней пристани, — объяснила подруга. — Скажешь, что едешь к больным в долину. Это даже не ложь, если хорошенько подумать.

Она передала мне записку с именем управляющего. Я успела снять для себя чертежи, а архивные копии верну-

ла Даре. Я попросила ее хранить также извлеченный из раны обломок. Дара завернула керамический сосуд в плотную ткань и уложила в сумку, пообещав показать находку знакомому мастеру, когда представится возможность.

Севран тем временем пытался застегнуть дорожный плащ. С третьей попытки пряжка выскользнула у него из пальцев и ударилась о край стола. Я подошла и застегнула ее сама.

— В повозке будете лежать, пока не разрешу сесть. Ничего тяжелого не поднимать. Если начнется кровотечение, говорите сразу.

— Скажите лучше, сколько я вам должен за лечение.

— В вашем положении лучше поберечь деньги на дорогу.

— Мне удалось сохранить кое-какие средства в долине. Терен тоже принес деньги.

— Я знаю. Возьму из его кошеля стоимость лекарств и оплаты за повозку. Остальное верну, когда доберемся.

Севран согласился, но попросил записать расходы. Я удивилась. Обычно мои состоятельные пациенты хотели знать сумму исключительно для того, чтобы выторговать себе скидку, а бедные вообще предпочитали не заглядывать в счета. Бывший бог, по всей видимости, относился к третьей, пока неизвестной мне разновидности должников.

Мы вышли задолго до рассвета через хозяйственный двор. Дара принесла письмо для старшины гильдии, которое намеревалась передать ему утром вместе с копией моего за-

явления. Оставлять Нелу без защиты я не собиралась. По закону гильдии я отвечала за медицинскую отсрочку, но не за содержание пациента под стражей. Однако отъезд наверняка повлечет за собой разбирательство, и зафиксировать обстоятельства следовало заранее.

На прощание Нела обняла меня, сунула в дорожную сумку завернутые в полотно лепешки и велела непременно прислать весточку. Мы с Дарой помогли Севрану добраться до пристани. Шел мелкий холодный дождь. У складов уже горели фонари, грузчики перекликались возле повозок, а лошади недовольно били копытами по мокрым камням.

Дара проводила нас до последней повозки обоза, где Гален распорядился освободить место между ящиками с посудой и тюками шерсти.

— Я останусь в Керне, — сказала она, когда возница занял свое место. — Попробую выяснить, какие именно испытания они собираются проводить. Если найду что-нибудь важное, привезу сама.

Я крепко сжала ее руку. По выражению лица подруги было видно, что она еще многое хотела сказать, но при посторонних не решалась.

— Береги себя, Дара.

— Это ты мне советуешь?

Повозка тронулась. Дара осталась стоять под дождем, придерживая ворот плаща. Я смотрела на нее до тех пор, пока складские ворота не скрылись за поворотом. Потом опу-

стилась на расстеленное между тюками одеяло и только тогда поняла, как устала.

* * *

У городских ворот проверяли накладные на товар. Гален заранее внес в дорожную книгу плату за двух пассажиров и предъявил писарю мое свидетельство целительницы. Тот поинтересовался, не везу ли я запрещенные снадобья, взглянул на печать гильдии и пожелал хорошей дороги. Никому пока не пришло в голову заглянуть под полог последней повозки.

К полудню Керна осталась далеко позади. Дождь закончился, но ветер пронизывал даже через плотную ткань, натянутую над нашими головами. Дорога вилась вдоль реки, то спускаясь к воде, то взбираясь на холмы с пожухлой травой. На одном из них еще стояла колокольня небольшого храма. С верхушки сняли медную фигуру божества, и теперь там торчали два ржавых крепления. Возле подножия паслись козы.

Когда обоз остановился, чтобы напоить лошадей, я обнаружила, что Севран успел промочить повязку. Пришлось попросить Галена подождать, пока закончу перевязку. Хозяин обоза оказался немолодым разговорчивым человеком, который путешествовал по долине едва ли не с детства. Он принес теплой воды и, пока я занималась раной, рассказал о состоянии дороги.

— До Сухого Брода доберемся за три дня, если ничего не случится. Речную дорогу на том берегу закрыли. Говорят, обвалилась возле старого храма. Вам дальше куда?

— В Тальвен.

— Тогда ищите проводника в Сухом Броде. Повозки сейчас идут в обход через Садовый дол. Там живет одна женщина, которая знает все окрестные тропы. Травами торгует. Хорошая женщина, только не вздумайте просить, чтобы она пустила лошадей в свой сад.

— А старая переправа еще существует?

Гален посмотрел на Севрана. Тот впервые заговорил при нем.

— Какая именно? Их там три было.

— Та, что ниже мельничной плотины.

— Там теперь паром ходит. Только путь к нему, говорят, совсем скверный. А вы бывали в этих местах?

— Когда-то.

— Ясно. Звать-то вас как, господин хороший?

— Севом зовите.

Гален кивнул и ушел договариваться с возницами о времени следующей остановки. Я завязала чистую повязку и помогла Севрану натянуть рубашку. Он почти не жаловался, но на лбу выступила испарина. Даже небольшое движение причиняло ему боль, и я начинала сомневаться, что путешествие окажется благополучным.

— Еще раз откроется рана, останемся в ближайшем селе-

нии, — предупредила я. — Мне совершенно неважно, сколько древних затворов ждут вас впереди.

— Мне бы не хотелось задерживать обоз.

— Так не задерживайте. Лежите спокойно.

Я разделила лепешку, оставленную Нелой, и достала сыр. Севран попробовал хлеб, после чего внимательно осмотрел его с обеих сторон.

— Что не так?

— Никогда не мог понять, почему в Керне пекут такие плоские лепешки. В Тальвене тесто поднимают выше.

— Моя мать пекла пышные. Добавляла немного меда, когда оставались деньги после рынка.

Я сказала это прежде, чем успела подумать, с кем разговариваю. Севран продолжал есть, а я заворачивала оставшийся сыр в полотно, сердясь на собственную беспечность. Упоминание о матери в разговоре с ним казалось почти неприличным. Еще хуже было то, что в ответ мне хотелось услышать какое-нибудь замечание о тальвенском хлебе. Прежде я охотно разговаривала о родном городе с людьми, которые его помнили. Оказывается, эта привычка никуда не исчезла.

До вечера мы почти не беседовали. Я дремала, прислонившись к тюку шерсти, изредка просыпалась, чтобы проверить состояние Севрана, и снова закрывала глаза. Когда возница наконец объявил о ночлеге, у меня затекла спина, а на платье обнаружилось несколько прилипших клочков шерсти.

Постоялый двор находился в деревне с десятком камен-

ных домов. Над воротами висела деревянная вывеска, изображавшая рыбу в сапогах. Внутри пахло жареным луком, дымом и мокрой одеждой. Хозяйка объявила, что свободных комнат осталось две, причем одна находилась над кухней и стоила дороже, поскольку в ней было тепло.

Я сняла теплую комнату для Севрана, себе же устроила постель на лавке у стены. Хозяйка предложила за небольшую плату принести второе одеяло и предупредила, что дверь плохо запирается.

— Если хотите, мой сын поправит засов.

— Буду благодарна.

Севран дождался, пока женщина уйдет, и достал из кармана несколько монет, оставленных ему на дорогу.

— Возьмите вторую комнату, Ида. Мне не потребуется помощь ночью.

— Мне понадобится проверить вашу температуру и повязку. Не вижу смысла ходить по коридору каждые несколько часов.

— Тогда я займу лавку.

— Еще лучше. Утром буду зашивать вам грудь заново.

Он убрал деньги. Я заметила, что Севрану гораздо легче было переносить медицинские процедуры, чем принимать подобные бытовые решения. Он несколько раз поднимал вопрос о том, где мне спать, пока я не пригрозила переселить его в конюшню. После этого мы мирно поужинали и устроились на ночлег.

Ночью я проснулась от стука. Севран сидел на кровати, освещенной лунным светом, и пытался дотянуться до упавшей чашки.

— Пить хотите?

— Хотел поставить ее на стол.

Я подняла чашку. Она не разбилась, только немного помялась возле края.

— Позвали бы меня.

— Вы спали.

— Это временное явление. Вы скоро привыкнете к тому, что люди способны просыпаться, когда их зовут.

Севран негромко рассмеялся и лег обратно. Я поправила одеяло, проверила повязку и вернулась на лавку. До утра мы оба спали достаточно спокойно.

* * *

На следующий день дорога стала хуже. Под колесами хлюпала глина, повозки то и дело останавливались, пока возницы искали место, где можно объехать выбоины. Вскоре Гален распорядился двигаться вдоль холмов, по старой храмовой дороге.

По обеим сторонам ее сохранились каменные столбы с высеченными знаками. Многие были разбиты, некоторые лежали в придорожной траве. На одном я увидела незамкнутый круг, знакомый по груди Севрана.

— Все это принадлежало вашему храму?

Он отодвинул край полога.

— Не вся дорога. Участки возле переправ содержали храмовые мастера. В остальных местах работали городские гильдии.

— И люди платили за право проехать?

— За содержание дороги. В том числе.

Последнее уточнение я запомнила.

В середине дня мы остановились возле маленького поселения. У дороги стояла женщина с корзиной, полной сушеной рыбы, а рядом с ней мальчик держал за веревку белую козу. Гален знал женщину и сошел с повозки, чтобы купить рыбы для общего ужина.

— Снова здесь торгуешь, Берта? — спросил он. — На рынке давали бы дороже.

— Дальше камня не дойти, сам знаешь.

Берта сказала это таким обыденным тоном, каким здесь, наверное, говорили о весеннем разливе реки. Я присмотрелась к ней. Берте было на вид лет сорок с небольшим; на лбу и возле рта залегли глубокие морщины. Пока Гален отсчитывал монеты, я спросила, что она имеет в виду.

— Да вон камень, госпожа. За развилкой. Мать моя служила при храмовом рыбном дворе. Когда я получила от нее дом, пришлось принять ту же клятву. Думала, после войны все пройдет. А оно до сих пор держит.

— Что именно происходит, если вы уходите дальше?

— Сначала ноги немеют, потом в груди давит. Один раз муж пытался меня на телеге вывезти, так я сознание потеряла. Пришлось возвращаться.

Я попросила разрешения осмотреть ее. На запястье сохранился небольшой круглый след, по которому целители распознавали действие старых храмовых договоров. Повреждений кожи не было, пульс в покое оставался нормальным. На расстоянии от границы женщина могла жить вполне обычной жизнью.

— Кто-нибудь из лекарей пытался снять клятву?

— Двое приезжали. Один посоветовал пить настой, другой сказал ждать, пока сами боги вымрут. А ждать мне некогда, старшая дочь замуж вышла, в соседний город уехала. Внука еще ни разу не видела.

Я не знала, чем помочь. Подобные клятвы требовали вмешательства их создателей или уничтожения магического источника. Целитель мог облегчить последствия нарушения, но не снять само обязательство.

Когда вернулась к повозке, Севран сидел, откинувшись на тюк. Он слышал наш разговор.

— Чья клятва? — спросил он.

— Не знаю. Вряд ли сама женщина помнит, кому ее мать приносила.

— Покажите мне камень.

Я указала на столб возле развилки. Севран долго всматривался в выцветший знак, затем опустил полог.

— Моя.

Снаружи Гален громко спорил о цене рыбы, мальчик пытался оттащить козу от чужих припасов. Я села напротив Севрана.

— Вы можете ее освободить?

— Такие договоры заключали через храмовое сооружение. После разрушения Истока их связь со мной сохранилась, но я потерял возможность управлять ими по отдельности. Для отмены клятвы нужно либо восстановить храмовый механизм, либо разорвать связь с именем целиком.

— Удобно устроено. Женщина не может увидеть собственного внука, а вы ничем не в состоянии ей помочь.

— Я могу предложить ей средства, чтобы семья приехала сюда. Если она согласится принять их.

— А вам в голову раньше приходило, что люди хотят навещать родственников без разрешения бога?

Он помолчал.

— Приходило. Но подобные договоры считались законным способом обеспечить содержание храмовых владений.

— Она получила от матери дом. За это у нее забрали право уйти из деревни. Что из этого вы называете законным?

Севран не ответил сразу. Я уже ожидала услышать рассуждения о порядках прежних времен, однако он только попросил меня узнать, где живет дочь Берты. Я отказалась передавать деньги от его имени без объяснений. Тогда он сам спустился с повозки и подошел к женщине.

Она сперва приняла его за покупателя. Севран расспросил ее о семье, узнал название города, в котором поселилась дочь, и предложил оплатить дорогу для нее и ребенка. Берта удивилась, захотела выяснить причину подобной щедрости. Он сказал, что когда-то служил при храме дорог и считает себя обязанным помочь.

Женщина подумала, затем согласилась взять часть предложенных денег. Остальные попросила оставить, пока не узнает, сможет ли зять отпустить дочь на несколько дней. Севран попросил Галена передать письмо торговцам, бывавшим в том городе. Хозяин обоза пообещал помочь.

Когда мы продолжили путь, я долго смотрела на лежавшие у дороги обломки камней. Севрану потребовалось несколько серебряных монет, чтобы женщина смогла увидеть внука. Ему понадобились столетия власти, чтобы создать порядок, при котором она не могла навестить его сама.

Я не собиралась благодарить бывшего бога за то, что он помог справиться с последствиями собственных решений. Но заметила, что в этот раз он не попытался переложить заботу о Берте на меня.

На третий день путешествия мы наконец добрались до реки. Здесь она разливалась широко, огибая длинную песчаную отмель. На противоположном берегу виднелись крыши Сухого Брода, мельница и темный силуэт старого храма. Между берегами ходил паром, способный за один раз принять две груженые повозки.

Гален велел возницам встать в очередь. Перед нами уже ожидали трое торговцев, семейство с большими корзинами и мужчина, гнавший к переправе несколько овец. Я выбралась наружу, радуясь возможности размять ноги, и успела дойти почти до причала, когда услышала крик.

Одна из лошадей, которую вели с парома, внезапно попятилась. Молодой возница попытался удержать ее, но животное взвилось на дыбы. Повозку развернуло, она задела колесом каменное ограждение и накренилась в сторону воды. Возница упал. Несколько человек бросились ему на помощь, другие кинулись хватать лошадь.

Я оставила сумку возле Галена и побежала к пострадавшему. Он лежал на боку и держался за правую ногу. Повернутая под неправильным углом ступня не оставляла сомнений насчет характера повреждения.

— Не поднимайте его! — крикнула я мужчинам, уже пытавшимся взять парня под руки. — Подложите что-нибудь под голову. И принесите мою сумку, она у хозяина обоза.

В эту минуту раздался новый крик. С края парома соскочила женщина с ребенком на руках. Она направилась к нам по каменному настилу, сделала несколько шагов и вдруг оказалась снова возле борта, откуда начала движение. Ребенок заплакал. Женщина оглянулась, попыталась бежать и опять вернулась на прежнее место.

Я видела ее достаточно отчетливо. Между нами было не более дюжины шагов, и все же преодолеть их она не могла.

— Всем остановиться! — раздался за спиной голос Севрана.

Я повернула голову. Он стоял возле ближайшей повозки, придерживаясь за деревянный борт. Гален хотел помочь ему добраться до причала, но Севран удержал его здоровой рукой.

— Не подходите к воде. И лошадей отведите.

— Что там творится? — спросил Гален.

Севран не ответил. Он следил за женщиной. Та, наконец поняв, что с ней происходит, замерла и прижала ребенка к груди.

— Ида, вы далеко от края настила?

— Шага на четыре.

— Видите черный камень возле ваших ног?

Я опустила взгляд. Среди светлых плит действительно лежал продолговатый камень, выбившийся из кладки.

— Вижу.

— Оставайтесь с этой стороны. Дальше начинается искривление.

Раненый парень приподнялся на локте.

— Моя сестра! Там моя сестра!

Он попытался встать, и мне пришлось удержать его за плечо. Гален принес сумку. Я достала настойку и попросила его найти две ровные доски для шины. Между тем Севран обратился к женщине, велев ей повернуться к реке.

— Справа от вас есть деревянный столб. Видите его?

Она кивнула.

— Идите к нему. Медленно. Когда я скажу остановиться, остановитесь.

Женщина сделала шаг в указанном направлении. Теперь она приблизилась к столбу. Севран велел ей двигаться вдоль края настила, затем остановиться и дождаться, пока один из паромщиков подойдет со стороны ограждения.

Люди молчали. Даже хозяин овец перестал ругаться, хотя животные уже успели разбежаться по берегу. Мне слышалось, как тяжело дышит парень у моих ног, но оторвать взгляд от женщины я не могла.

Паромщик протянул ей руку. Она передала ему ребенка, а потом с его помощью перебралась на сухую землю. В толпе раздались облегченные возгласы. Я хотела позвать ее к брату, но Севран предупредил, что между нами по-прежнему остается опасный участок. Пришлось обойти настил по верхней тропе.

Когда сестра возницы добралась до нас, я уже успела обездвижить поврежденную ногу. Женщина села рядом и взяла брата за руку. Ребенка подхватила одна из ожидавших переправы торговок.

— В Сухом Броде есть целитель? — спросила я паромщика.

— Есть старый лекарь возле мельницы. Только до него еще добраться надо.

— Доставим, когда станет безопасно, — пообещал Гален.

Севран тем временем расспрашивал старшего паромщика о случавшихся здесь странностях. Выяснилось, что лошади уже несколько дней отказывались ступать на определенные плиты. Накануне один из работников дважды слышал собственный голос со стороны воды, хотя находился на берегу. Обо всем этом они сообщали смотрителю переправы. Тот осмотрел настил, не нашел повреждений и велел продолжать работу.

— Закройте этот участок причала, — сказал Севран. — Пока мастер не проверит межевые знаки, здесь нельзя ходить. У вас есть другое место для высадки?

— Выше по реке, у старого рыбного спуска. Только повозки там не развернутся.

— Значит, перевозите людей без повозок, пока не приведете в порядок спуск.

Старший паромщик хотел возразить, но взглянул на женщину, только что выбравшуюся с настила, и велел работникам принести ограждения.

Я закончила перевязку пострадавшего и вернулась к Севрану. Он сидел на пустом ящике возле повозки. Лицо стало бледнее обычного, однако на повязке не появилось новых пятен крови.

— Вы использовали силу?

— Только чувствовал границу. Это я умею делать почти без усилий.

Я проверила пульс. Он был учащенным, но ровным.

— Тогда оставайтесь сидеть. На сегодня прогулок достаточно.

— Как нога у парня?

— Перелом. Если благополучно доставим его к лекарю, есть хорошие шансы, что будет ходить.

Севран посмотрел на оцепленный участок настила.

— Хорошо.

Переправа заняла остаток дня. Паромщики перенесли часть груза вручную, освободили старый рыбный спуск от камней и с большим трудом переправили повозки на противоположный берег. Раненого возницу увезли в дом местного лекаря, куда я тоже отправилась, чтобы передать сведения о повреждении. К счастью, старик оказался опытным костоправом. Он выслушал меня, проверил ногу больного и уверенно взялся за дело.

Вернулась я уже в сумерках. Гален успел найти ночлег и распорядился поставить наши вещи в комнату над пекарней. Завтра его обоз отправлялся на юг, поэтому я рассчиталась с хозяином и попросила найти нам повозку до Садового дола.

— Есть один возчик, — сказал Гален. — По утрам возит туда муку. Сговоритесь насчет цены. А вашему приятелю я бы посоветовал еще день отлежаться.

Я полностью разделяла его мнение. К сожалению, после случившегося на переправе ни мне, ни Севрану не хотелось терять целый день.

* * *

За ужином он почти не ел. Я решила, что причиной послужила усталость, но, когда спросила о самочувствии, Севран ответил, что думает о переправе.

— Последние измерения показали ослабление затвора, — напомнила я. — Возможно, мы увидели одно из последствий.

— Этот участок находится далеко от Тальвена. Сюда не должны доходить нарушения такого рода, пока основные границы остаются целыми.

— А вы уверены, что они целы?

Он помолчал.

— Уже нет.

На столе между нами остывала картофельная похлебка. За стеной хозяин пекарни укладывал детей спать, и один из них старательно рассказывал какую-то длинную историю о потерянном деревянном мече. Я прислушивалась к детскому голосу, пока наконец не решилась задать вопрос, который откладывала с момента нашего отъезда.

— В Тальвене все началось примерно так же?

— Поначалу да.

— А потом вы закрыли ворота.

Севран отложил ложку.

— Не сами ворота. Границу перенесли к внешней линии

городских стен. Открыть проход обычным способом уже было невозможно.

— Это вы сделали?

— Я.

Я вспомнила толпу, собравшуюся возле южных ворот. Люди еще долго выкрикивали имена близких, хотя стража пыталась отогнать их от стены. Я сама пробралась почти к створкам, и какой-то незнакомый мужчина удерживал меня за пояс платья, пока я вырывалась. Не помню его лица. Помню, как сильно болели руки на следующий день.

— Внутри были люди, — сказала я. — Вам об этом сообщили?

— Да. Мне было известно, что эвакуация не завершена.

Я стиснула ложку.

— Мой брат хотел стать картографом. Он собирал старые карты, даже те, на которых половина названий оказалась неправильной. Однажды продал собственные зимние сапоги, чтобы купить книгу о южных землях. Мать потом две недели на него сердилась. Ему было пятнадцать лет. Вы хоть представляете, каково это, ждать у ворот и знать, что он там, всего в нескольких улицах от тебя?

Севран не отвел глаз, хотя ответил не сразу.

— Нет, Ида. Не представляю.

Я встала из-за стола. Несколько мгновений мне хотелось швырнуть в него все, что попадалось под руку. Однако рядом сидел раненый мужчина, которого еще утром я не позволя-

ла поднять тяжелый сундук. Меня терзало то, что я должна была беречь его раненое тело, прекрасно зная, кого лечу.

— Зачем вы закрыли город?

— Разлом распространился под жилыми кварталами. Если бы границу не замкнули, он мог выйти к реке. Вниз по течению находились другие города и поселения.

— И вы решили, что нас уже не стоит спасать.

— Я решил удержать разлом внутри стен.

Ответ показался мне чудовищным именно своей простотой. Я ждала подробностей, объяснений, хотя бы попытки найти слова, которые сделали бы случившееся менее страшным. Вместо этого услышала описание решения, принятого человеком, от которого зависели целые территории.

— Сегодня вы помогли женщине на переправе, — произнесла я. — Когда-нибудь мне, возможно, захочется понять, почему тогда вы не поступили так же. Но пока я не готова об этом говорить.

Я собрала посуду и вынесла ее хозяйке. Возвращаться в комнату не хотелось. Некоторое время просидела на ступенях у кухни, где пахло мукой и теплым хлебом. Пекарь, встретив меня на лестнице, поинтересовался, не нужна ли помощь. Я поблагодарила и сказала, что просто устала с дороги.

Когда вернулась, Севран уже лежал в постели. На столе стояла моя нетронутая чашка чая, накрытая блюдцем, чтобы не остыла. Я выпила чай, проверила его рану и устроилась

на своей половине комнаты. Больше мы в ту ночь не разговаривали.

Утром нас ожидал возчик, согласившийся доставить в Садовый дол за пять серебряных монет. Его звали Норт. Он оказался человеком неразговорчивым, зато хорошо знал местные дороги и привел крепкую лошадь с небольшой крытой телегой. Мы загрузили сундук и сумки, попрощались с Галеном и выехали из Сухого Брода.

Норт предупредил, что после полудня придется свернуть с основной дороги. У старого храма действительно обвалился берег, а путь через Садовый дол был длиннее, зато там еще не случалось происшествий с путешественниками. По его расчетам, к вечеру мы должны были добраться до поселения, о котором рассказывал Гален.

День стоял ясный, прохладный. Сухие листья шуршали под колесами, вдоль дороги тянулись давно не обрезанные яблони. Время от времени мы проезжали мимо заброшенных домов. Над одним сохранилась вывеска храмового постоялого двора с изображением трех сходящихся дорог. Кто-то заколотил дверь, но возле порога росли ухоженные осенние цветы: местные жители, по всей видимости, продолжали за ними присматривать.

Во второй половине дня Норт свернул на узкую лесную дорогу. Мы успели проехать около мили, когда лошадь остановилась и отказалась двигаться дальше. Возчик спрыгнул на землю, осмотрел упряжь и принялся уговаривать живот-

ное. Обычно в подобных случаях Севран первым замечал причину беспокойства. Сейчас же он осторожно отодвинул полог и долго смотрел вперед.

— Что там? — спросила я.

Он поднял руку, призывая Норта замолчать.

На дороге, за поваленной веткой, стояла фигура, которую я вначале приняла за крупную собаку. Она была худой, с непропорционально длинными передними лапами. Когда существо шагнуло между деревьями, я увидела, как изменилась длина его тела. Задняя часть оставалась возле ветки, голова уже находилась у следующего ствола, хотя разделяло их расстояние в несколько человеческих шагов. Затем туловище сократилось, и животное целиком оказалось по другую сторону дороги.

Звука не последовало. Даже сухие листья под его лапами не шелохнулись.

Норт медленно попятился к телеге.

— Госпожа, вы это видите?

Я кивнула, не решаясь заговорить громче. Севран посмотрел на старый межевой столб, стоявший возле поворота. На нем сохранился белый государственный знак последней проверки.

— Здесь не должно быть ничего подобного, — тихо сказал он.

Существо повернуло голову в нашу сторону.

Глава 4. Там, где растут бессмертники

Норт потянулся к кнуту, висевшему возле сиденья.

— Оставьте, — сказал Севран. — Не шумите и не сходите с дороги.

— Да оно же сейчас сюда полезет!

Существо стояло между двумя соснами. Там, где у собаки были бы глаза, я различала две небольшие впадины, затянутые светлой пленкой. Оно наклонило голову, и длинная передняя лапа прошла сквозь выступавший из земли корень. Корень остался цел, однако на его поверхности выступила белая изморозь.

Лошадь переступала ногами, тяжело всхрапывая. Норт держал ее за уздечку, но, судя по тому, как натянулись ремни упряжи, скоро животное могло вырваться. Севран опустил ноги с телеги.

— Ида, помогите мне встать.

Я подхватила его под здоровую руку. При первом же движении он поморщился. Мне хотелось усадить его обратно, но в тот момент я была готова выслушать даже самые нелепые распоряжения, лишь бы они позволили нам покинуть это место.

— Возле правой обочины есть ряд старых камней, — ска-

зал он Норту. — Видите?

— Вижу.

— Развернуть телегу здесь не получится. Отведите лошадь назад до поворота. Держитесь камней, не позволяйте ей сворачивать к деревьям.

Норт отступил на шаг и осторожно потянул за повод. Лошадь послушалась. Я шла возле колеса, поддерживая Севрана, и следила за существом. Оно несколько раз попыталось приблизиться к дороге, но каждый раз останавливалось возле поваленной ветки. Наконец я заметила, что за ней листья оставались неподвижными, хотя ветер успел пригнуть к земле молодую березу по другую сторону тропы.

Отступали мы долго. Когда деревья скрыли от нас лесную прогалину, Норт торопливо развернул телегу и забрался на сиденье. Севран позволил мне помочь ему подняться под полог. Я едва успела сесть, как возчик погнал лошадь вперед.

— Что это было? — спросила я.

— В старых книгах их называют пустошагами. Когда граница между мирами истончается, такие существа иногда проникают на наши дороги.

— Они нападают на людей?

— Могут. Но чаще человек страдает от самого нарушения границы. Вы видели корень?

Я кивнула.

— Если бы на его месте оказалась ваша рука, последствия могли быть гораздо серьезнее обморожения. У пустошага

иная природа. Даже стоя рядом с ним, можно получить повреждения.

— Вы знали, что оно не пойдет за нами?

— Надеялся. До поворота граница оставалась устойчивой. Дальше оно бы не прошло, если только поврежденный участок не увеличился бы за то время, пока мы отступали.

Меня пробрал озноб. Мы ехали по той же дороге, по которой утром могли пройти дети, возвращавшиеся из соседней деревни, или торговцы с корзинами яблок. На межевом столбе стоял знак государственной проверки. Тот, кто увидел бы его, наверняка счел путь безопасным.

Норт свернул на другую тропу, едва заметную среди кустарника. Через некоторое время пришлось остановиться: переднее колесо застряло в размокшей земле. Возчик выругался, спрыгнул на землю и принялся искать ветки, которые можно было подложить под обод. Я помогла ему разгрузить два тяжелых мешка с мукой. Севран тоже попытался выйти, но я велела ему остаться в телеге.

— Хотите принести пользу, держите лампу. Уже ничего не видно.

Он взял светильник. Пока Норт возился с колесом, я заметила, что Севран держит его слишком низко, и попросила поднять выше. Лампа качнулась. На правой стороне рубашки, там, где под плащом скрывалась повязка, проступило небольшое темное пятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.